

УДК 31

Понимание устойчивости социального развития общества в вооруженных конфликтах

Красавина Екатерина Валерьевна

Доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин,
Российская таможенная академия,
140015, Российская Федерация, Люберцы, Комсомольский проспект, 4;
e-mail: krasavina_2905@mail.ru

Сологуб Владимир Антонович

Доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры государственного и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления (филиал),
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54;
e-mail: sva@aanet.ru

Забайкин Юрий Васильевич

Кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры производственного и финансового менеджмента,
Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе,
117997, Российская Федерация, Москва ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: 89264154444@yandex.ru

Аннотация

Внутренние беспорядки и напряженность, беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и другие акты аналогичного характера, о которых говорится в пункте 2 статьи 1 АРП, не являются вооруженными конфликтами, и поэтому право вооруженных конфликтов к ним не применяется. Это может иметь место просто потому, что интенсивность и/или уровень поддержки насилия опускается ниже уровня, необходимого для того, чтобы образовать вооруженный конфликт, или потому, что вооруженная группа, выступающая против правительства, не выдерживает критерия "организации". Закон, регулирующий деятельность, осуществляемую во исполнение таких "конфликтов, помимо вооруженных конфликтов", является внутренним правом, применяемым на территории, где совершаются такие акты, внутренним правом любого другого государства, юрисдикция которого может основываться на характере соответствующего акта, и любым применимым правом в области прав человека. Поэтому мятежники и лица, применяющие насилие или совершающие аналогичные действия, связанные с такими ситуациями, нарушают

внутреннее уголовное законодательство и подлежат соответствующим уголовно-правовым процедурам и наказаниям. Некоторые могут выбрать для описания такой деятельности терроризм или мятеж, или могут использоваться другие термины. Важным правовым моментом является то, что такие ситуации выходят за рамки права вооруженных конфликтов и подпадают под действие применимого внутреннего права.

Для цитирования в научных исследованиях

Красавина Е.В., Сологуб В.А., Забайкин Ю.В. Понимание устойчивости социального развития общества в вооруженных конфликтах // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 4В. С. 194-202.

Ключевые слова

Действия, мятежники, термины, ситуация, насилие.

Введение

Термин "конфликты, отличные от вооруженных конфликтов" может некоторым показаться неточным, поскольку террористы, повстанцы или преступники вполне могут использовать оружие и взрывчатые вещества для достижения своих целей. Тем не менее термин "конфликты, отличные от вооруженных конфликтов" будет использоваться в главе настоящего учебного пособия и далее.

Термин "правоохранительная деятельность" часто и точно используется для описания деятельности полиции и сил безопасности в таких ситуациях. В 1979 году Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию, включающую кодекс поведения сотрудников правоохранительных органов, в котором отмечается, что при исполнении своих обязанностей сотрудники правоохранительных органов должны уважать и защищать человеческое достоинство, а также поддерживать и отстаивать права человека всех людей. Они могут применять силу только в случае крайней необходимости и в объеме, необходимом для выполнения ими своих обязанностей [Чернядьева, 2017].

Основная часть

Гражданская полиция или другие службы государственной безопасности, которые могут быть созданы в соответствии с законодательством государства, по всей видимости, несут главную ответственность в государстве за поддержание порядка на улицах, выявление и расследование преступных деяний, привлечение виновных к уголовной ответственности и в целом поддержание внутренней безопасности. Задачу судов рассматривать доказательства якобы преступной деятельности, выносить решения о признании виновными лиц, обвиняемых в военных преступлениях и преступлениях против человечества, предусмотренных законодательством государства. Внутреннее право, интерпретируемое в свете применимого права в области прав человека, будет определять права, которыми человек должен оспаривать свое задержание, будь то в связи с расследованием уголовных дел или для поддержания государственной безопасности [Sapaty, 2015].

Мы обращаем внимание на то, что иногда называют "парадигмой правопорядка" в ответ на

вызовы, создаваемые терроризмом, в результате чего устанавливается новый баланс между интересами безопасности и свободами личности. Мы указываем на целенаправленные санкции, введенные Советом Безопасности ООН в отношении членов и сторонников движения "Талибан" (резолюция 1267/1999 СБ ООН), в отношении которых отсутствует судебный надзор; законодательство, вводящее более гибкие стандарты расследования, задержания и судебного преследования подозреваемых в терроризме; применение исполнительных мер в отношении террористов вне рамок уголовно-правового процесса; санкционирование и регулирование принудительных допросов подозреваемых в терроризме лиц Израилем и Соединенными Штатами и израильскую политику карательных разрушений домов. Мы приходим к выводу о том, что общей чертой является прекращение прав человека в отношении лиц, подозреваемых в терроризме, и ослабление судебного контроля, который поддерживает эти права [Ковалев, 2017]. Поэтому следует отметить, что в ходе судебных разбирательств, например в Европейском суде, Верховном суде США, Палате лордов Соединенного Королевства и Верховном суде Израиля, рассматривались такие меры.

Во многих конфликтных ситуациях им присуща текучесть. То, что начинается как внутренняя ситуация в сфере безопасности далеко от вооруженного конфликта, может перерасти в мятеж, в котором присутствуют боевые действия такой интенсивности, которые могут рассматриваться в качестве немеждународного вооруженного конфликта. Государство может принимать активное участие в поддержке повстанцев, например в интернационализации вооруженного конфликта [Чаттаев, 2018]. Помогающее государство может осуществлять воюющую оккупацию территории, которую его вооруженные силы завоевали и оккупировали в ходе военных действий. После завершения военных действий и прекращения оккупации недовольные члены побежденной стороны конфликта могут возобновить преступную деятельность, включая беспорядки и отдельные террористические акты. Жизненно важным является то, что закон, который применяется в любой конкретный момент и / или месте, будет зависеть от фактического положения дел в это время и в этом месте. Контроль за деятельностью вооруженных сил в соответствии с быстро меняющейся и разнообразной ситуацией в области безопасности всегда может оказаться сложной задачей.

За последние сто лет произошли радикальные изменения в методах ведения вооруженных конфликтов. В начале этого периода войны велись между государствами и проводились в основном в двух средах – на суше и на море. С 1990 года число крупных вооруженных конфликтов сокращается, а доля межгосударственных конфликтов в общем объеме конфликтов также сокращается. В XXI веке вооруженные конфликты могут также происходить в воздухе, в космическом пространстве и в киберпространстве. В то время как конфликты с использованием традиционных средств и методов продолжают иметь место, современная военная доктрина предполагает более мобильные формы экспедиционной войны, войны с использованием методов дистанционного нападения и применения других, современных технологий [Мамедов, 2014].

Войны 21 века часто ведутся в густонаселенных районах, где комбатанты и гражданские лица находятся в непосредственной близости. Борьба редко проходит в тесноте; и возможность решительного сражения, чтобы сломить волю одной из противоборствующих сторон, и прекращения боевых действий, не существует; действительно, ни одна сторона не может быть заинтересована в мире и шансы на то, что такой конфликт будет заканчиваться решительно,

довольно призрачны. Результатом является то, что международное право военных действий стало столь же неуместным, как и правила ведения военных операций внутри страны [Масленников, 2017]. Неизменной чертой таких современных войн является степень страданий, которые боевые действия причиняют гражданскому населению. Эксперты отмечают, что страдания гражданского населения от последствий вооруженного конфликта сегодня больше, чем когда-либо в истории, отметив, что мирные жители бывают убиты или ранены почти каждый вооруженный конфликт в гораздо большем количестве, чем комбатанты. Существуют различия в том, что потери в современном военном конфликте больше, чем 100 лет назад на порядок. В современных конфликтах десять мирных жителей погибали за каждого солдата. Хотя можно спорить о том, что все жертвы описывают как гражданских и они действительно относятся к лицам, не принимающим непосредственного участия в военных действиях, но нет никаких сомнений в том, что страдания мирных жителей намного больше сегодня, чем когда-либо было в прошлом, о чем свидетельствует катастрофическое число беженцев и перемещенных лиц, спасающихся бегством от все более жестоких боев в Сирийской гражданской войне. Поэтому ясно, что те, кого закон стремится защитить, страдают в большем количестве, несмотря на такую защиту, что ясно свидетельствует о важности более строгого соблюдения и обеспечения соблюдения закона.

Следует ли признать, что есть что-то принципиально новое в так называемых "новых" войнах, или же, война – это непрерывный процесс технологической и доктринальной эволюции – это вопрос, который во многом остается в трудах ученых на периферии. Мы отвергаем утверждение о том что международное право стало неактуально. Возможно, участники некоторых конфликтов предпочитают нарушать их правила, но продолжение усилий по соблюдению этих правил имеет жизненно важное значение для того, чтобы не допустить скатывания к массовой бойне, хаосу и затяжным конфликтам [Худайкулова, 2016].

Если средства ведения войны, и методы, с помощью которых она ведется, развиваются, то также происходят изменения в характеристиках участников. Вместе с тем они оказывают потенциальное воздействие на правовой спектр конфликтов. Таким образом, если акты насилия, совершаемые в государстве, которые обычно представляют собой нарушения уголовного права, совершаются с определенной степенью серьезности и периодичностью и связаны с участием в конфликте организованных вооруженных групп, то может существовать вооруженный конфликт немеждународного характера. Хотя мотивы для насильственных действий участников вполне могут быть политическими, возникает вопрос о том, могут ли насильственные действия, которые в противном случае удовлетворяют критериям интенсивности, частотности и организации, но которые полностью мотивированы частной преступной выгодой, тем не менее также представлять собой немеждународные вооруженные конфликты. Мы отмечаем традиционное мнение о том, что немеждународный вооруженный конфликт применим только к политически мотивированным вызовам, но комментарии, которые классифицируют события высокой интенсивности как немеждународные вооруженные конфликты, позволят государству использовать военную силу и будут иметь практический смысл. Однако требования в отношении организации и интенсивности по-прежнему применяются, и понятие "организация" предполагает способность планировать и проводить устойчивые военные операции и устанавливать дисциплину от имени фактической власти.

Логика подсказывает, что если преступная деятельность, мотивированная политическими

соображениями, может перерасти в вооруженный конфликт, то и преступная деятельность, не мотивированная политическими соображениями, должна быть также возможной. Однако государства не придерживались этой точки зрения, когда велись переговоры по Женевским конвенциям 1949 года, и, как представляется, вряд ли изменили свою точку зрения. "Война" между государствами в том виде, в каком она задумывалась до 1949 года, была, по существу, общественной деятельностью, которая в определенной степени регулировалась в рамках общей системы международного публичного права. Преступная деятельность, в рамках которой участники, будь то отдельные авантюристы или вооруженные группы, стремятся получить чисто личную преступную выгоду или удовлетворение, действительно остается преступной по своему характеру, независимо от интенсивности и устойчивости деятельности или организации участвующих сторон [Аветисян, Русанов, 2015].

Вместе с тем мы признаем, что отличить столь крупномасштабную организованную преступность от деятельности вооруженных повстанческих группировок, члены которых обычно характеризуются оспариваемым государством как разбойники, повстанцы или террористы, всегда будет весьма трудно и что это может привести к неудовлетворительным результатам. Такая дифференциация, вероятно, будет еще более затруднена, если, как это вполне может быть, некоторые члены группы воспользуются возможностью совершить обычное преступление в целях самообогащения или используют преступную деятельность для сбора средств для группы.

Тем не менее возникает соблазн утверждать, что организованная вооруженная группа, которая осуществляет вооруженную деятельность, достигающую порога насилия, требуемого общей статьей 3, но которая вдохновлена чисто преступными мотивами, например связанными с торговлей наркотиками, вовлечена в нечто иное, чем немеждународный вооруженный конфликт. Однако проведение такого различия, как представляется, может быть сопряжено с определенными трудностями, отчасти потому, что любое применение насилия в немеждународном контексте по определению является преступным по своему характеру, а отчасти потому, что участие в вооруженном конфликте может быть мотивировано множеством соображений, преступный характер некоторых или всех из которых вряд ли будет признан соответствующей стороной. Различия между преступной мотивацией, основанной на корысти и криминальной мотивации на основе жадности власти, вероятно, имеют различия, такие как отсутствие вещественной выгоды и которые порой могут привести к неприглядным выводам. В истерзанных войной обществах, характеризующихся крайними уровнями социально-экономических потрясений, сохраняющейся незащищенностью и крахом материальных прав, то, что в нормальных условиях можно было бы отнести к преступной деятельности, вполне может быть невозможно отличить от стратегий выживания и повседневной борьбы за выживание. Мы обращаем внимание на взаимопроникновение законного и незаконного во многих слабых государствах и охваченных конфликтами районах и отмечаем, что ключевые предположения, на которых основывается определение организованной преступности, могут стать проблематичными. Различия между преступностью и войной носят весьма политический характер и могут меняться от одного контекста к другому и между субъектами в рамках одного контекста. Поэтому, как представляется, это не является безопасной основой для проведения различия между применимыми правовыми режимами.

Вместе с тем, как представляется, эти уголовные дела будут по-прежнему рассматриваться

государствами в рамках исключительной компетенции их внутренних сил безопасности и полиции. Тот факт, что такая деятельность может осуществляться на трансграничной основе и в широких масштабах, вряд ли изменит эту качественную оценку. Масштаб преступного поведения, его насильственный характер, большое число смертей и телесных повреждений не изменяют того факта, что преступление в целях личной выгоды или удовлетворения в любых масштабах также рассматривается и будет рассматриваться государствами как вопрос для расследования, выявления, судебного преследования и наказания со стороны Национальной полиции и судебных систем. Кроме того, если согласованная насильственная деятельность, отвечающая всем критериям, связанным с вооруженным конфликтом, осуществляется по политическим мотивам, государства, как представляется, с большей вероятностью признают, что вооруженный конфликт существует и что будут применяться соответствующие положения права вооруженных конфликтов.

Насильственные, политически мотивированные действия, совершенные, например, организованной вооруженной повстанческой группой в ходе вооруженного конфликта немеждународного характера, которые нарушают уголовное право места их совершения, повлекут за собой привлечение виновных к судебной ответственности и наказанию. Сегодня негосударственный субъект может достичь такого уровня организации и изоционности, что он представляет угрозу, сопоставимую с угрозой, которую представляют Вооруженные силы, действующие от имени или по поручению государства. Масштабы и последствия этих нападений и их потенциальная возможность повторения или продолжения требуют принятия ответных мер, помимо тех, которые направлены исключительно на правоохранительные органы.

Так, хотя государства в целом, вероятно, предпочитают отношения банды основе, организованной преступности вопросом, который должен решаться исключительно с использованием правоохранительных органов, можно предположить, что некоторые государства сталкиваются с величайшим из таких угроз предпочитают рассматривать ситуации в качестве немеждународного вооруженного конфликта, особенно если соответствующие критерии. Затем будет применяться право, касающееся немеждународного вооруженного конфликта, включая положения, касающиеся военных преступлений, нормы обычного и договорного права, касающиеся ведения военных действий, и конкретные и общие меры защиты, предоставляемые некоторым категориям лиц и объектов, таким, как медицинский персонал, религиозный персонал, гражданские лица, раненые и больные и т.д.

Описав спектр коллизий, предусмотренных действующим законодательством, следует обсудить, как этот спектр может развиваться в обозримом будущем.

Как представляется, нет оснований сомневаться в сохраняющейся актуальности права международных вооруженных конфликтов как основы для надлежащего регулирования военных действий между государствами. Вместе с тем уместно поставить под сомнение целесообразность классификации "войн за национальное освобождение" в соответствии со статьей 1(4) API как имеющих статус международных вооруженных конфликтов. Насколько известно, коллизии в этом положении пока не были классифицированы, и по причинам, упомянутым ранее, представляется маловероятным, что это произойдет в обозримом будущем. API включает в себя положение О внесении поправок в договор, в частности в статью 97, и государствам-участникам надлежит принимать решение о целесообразности таких действий,

например, на том основании, что те виды колониальных и антирасистских войн, о которых идет речь в ходе переговоров, более не рассматриваются международным сообществом как имеющие отношение к делу. Более вероятным результатом является то, что это положение будет просто рассматриваться как все более избыточное и будет игнорироваться. Несомненно, представляется маловероятным, что статья 1(4) будет иметь в будущем практическое значение в правовом спектре коллизий, которые эта глава призвана обсудить.

Заключение

Как часто отмечалось, различия в праве, применяемом соответственно в международных и немеждународных вооруженных конфликтах, сужаются. Мы отмечаем растущее понимание того, что существование различных режимов, регулирующих международные и немеждународные вооруженные конфликты, является неудовлетворительным с учетом гуманитарных проблем, общих для обеих сторон. Хотя сближение позиций уменьшит значимость различий, тот же комментатор отмечает все более общепринятое мнение о том, что для всех вооруженных конфликтов должен существовать единый свод правил.

Единственным наиболее существенным препятствием на пути к достижению такого единого свода норм является мнение государств о том, что статус комбатанта должен оставаться исключительно применимым к международному вооруженному конфликту, и существуют другие основополагающие различия между ситуациями, регулируемые двумя правовыми режимами. Следует указать, например, на то, что адресаты закона отличаются друг от друга тем, что право немеждународных вооруженных конфликтов обязывает не только государства, но и вооруженные группы и что командиры вооруженных групп могут не обладать правоспособностью наказывать членов, совершивших нарушения закона. Проблемой является то, что следует определить, можно ли убедить стороны соблюдать нормы, не имеющие обязательной силы для их противника, ссылаясь, например, на то, что на практическую способность вооруженных групп задерживать правительственных солдат влияет предположение о том, что в вооруженных конфликтах немеждународного характера существует обязательство предоставить лицу, лишенному свободы, возможность оспорить законность его задержания

Библиография

1. Чернядьева Н.А. Некоторые критические замечания по поводу международно-правовой квалификации военных действий против террористов // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 5. С. 177-182.
2. Масленников Г.В. Возможности и пределы влияния международного гуманитарного права на последствия вооруженных конфликтов // В сборнике: Права человека в изменяющемся мире Материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 264-266.
3. Ковалев А.А. Формат миротворческих миссий в условиях современного геополитического противостояния // Мировая политика. 2017. № 3. С. 129-140.
4. Худайкулова А.В. Новое в управлении международными конфликтами // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 4 (47). С. 67-79.
5. Аветисян Л.А., Русанов М.С. Предпосылки формирования новых субъектов международного права // Современные гуманитарные исследования. 2015. № 6 (67). С. 135-140.
6. Чаттаев А.Р. К вопросу об определении содержания принципа запрета применения силы или угрозы силой в праве международной безопасности // Евразийский юридический журнал. 2018. № 2 (117). С. 48-49.
7. Мамедов Р.К. О политических и правовых аспектах агрессии // Гилея: научный вестник. 2014. № 88. С. 327-332.

8. Sapaty P.S. Solving social problems by distributed human terrain operations // Математические машины и системы. 2015. № 3. С. 30-43.

Understanding the sustainability of social development in armed conflicts

Ekaterina V. Krasavina

Doctor of Sociology, Associate Professor,
Professor of the Department of Humanities,
Russian Customs Academy,
140015, 4 Komsomol'skii prospekt av., Lyubertsy, Russian Federation;
e-mail: krasavina_2905@mail.ru

Vladimir A. Sologub

Doctor of Sociology, Associate Professor,
Professor of the Department of State and Municipal Administration,
South Russian Institute of Management (branch),
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
344002, 70/54 Pushkinskaya st., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: sva@aanet.ru

Yurii V. Zabaikin

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of production and financial management,
Russian State Geological Prospecting University named after Sergo Ordzhonikidze,
117997, 23 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 89264154444@yandex.ru

Abstract

Internal disturbances and tensions, disturbances, isolated and sporadic acts of violence and other acts of a similar nature referred to in article 1, paragraph 2, of APII are not armed conflicts and therefore the law of armed conflict does not apply to them. This may be simply because the intensity and / or level of support for violence falls below the level necessary to form an armed conflict, or because an armed group opposing the government does not meet the criterion of "organization". The law governing activities carried out in pursuance of such "conflicts other than armed conflicts" is the domestic law applicable in the territory where such acts are committed, the domestic law of any other state whose jurisdiction may be based on the nature of the act concerned and any applicable human rights law. Therefore, rebels and persons who use violence or commit similar acts related to such situations violate domestic criminal law and are subject to appropriate criminal procedures and penalties. Some may choose to describe such activities as terrorism or insurgency, or other terms may be used. An important legal point is that such situations go beyond the law of armed conflict and are subject to applicable domestic law.

For citation

Krasavina E.V., Sologub V.A., Zabaikin Yu.V. (2019) Ponimanie ustoichivosti sotsial'nogo razvitiya obshchestva v vooruzhennykh konfliktakh [Understanding the sustainability of social development in armed conflicts]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (4B), pp. 194-202.

Keywords

The actions of the rebels, terms, situation, violence.

References

1. Chernyadeva N. A. Some critical remarks about the international legal qualification of military actions against terrorists *Legal science: history and modernity*. 2017. No. 5. Pp. 177-182.
2. Maslennikov G. V. Possibilities and limits of the influence of international humanitarian law on the consequences of armed conflicts in the collection: human Rights in a changing world *Materials of the international scientific and practical conference*. 2017. Pp. 264-266.
3. Kovalev A. A. Format of peacekeeping missions in the conditions of modern geopolitical confrontation/ *World politics*. 2017. No. 3. Pp. 129-140.
4. Khudaykulova A.V. New in the management of international conflicts // *International processes*. 2016. Vol. 14. No. 4 (47). Pp. 67-79.
5. Avetisyan L. A., Rusanov M. S. Prerequisites for the formation of new subjects of international law *Modern humanitarian studies*. 2015. No. 6 (67). Pp. 135-140.
6. Chattaev A. R. On the issue of determining the content of the principle of prohibition of the use of force or threat of force in the law of international security // *Eurasian legal journal*. 2018. No. 2 (117). Pp. 48-49.
7. Mammadov R. K. On political and legal aspects of aggression *Gilea: scientific Bulletin*. 2014. No. 88. Pp. 327-332.
8. Sapaty P. S. Solving social problems by distributed human terrain operations *Mathematical machines and systems*. 2015. No. 3. Pp. 30-43.